

ДЕТСКИЕ КНИГИ В КРУГЕ ЧТЕНИЯ ВЗРОСЛЫХ

Е. Асонова

НАБОР ОТКРЫТОК, ИЛИ СЕМЬ СОВРЕМЕННЫХ ДЕТСКИХ КНИГ ДЛЯ МЕДЛЕННОГО ЧТЕНИЯ

Детская литература в России, как мне кажется, пережила свой кризис — время, когда одним казалось, что всего много и оно умножается, а другие сетовали, что ничего нет. Одни стремились расширить тематику детского и подросткового чтения, другие искали способа оградить детей от опасного чтения. Сейчас присутствие литературы для детей и подростков в культуре можно назвать ровным полноводным течением, в котором иногда встречаются водовороты ярких событий, перекаты и пороги профессиональных обсуждений и читательских реакций. Каждый сезон литературный процесс обогащается новыми именами, проектами, связанными с их продвижением, — фестивалями большими и маленькими, изданиями, выставками, акциями, посвященными писателям, иллюстраторам, самыми разными ресурсами, поддерживающими детское чтение. Процесс развития литературы для детей в России не ограничивается только созданием новых произведений, отечественных и переводных, развитием новых жанров и видов визуальной литературы, поиском форматов для переиздания классики или детской литературы советского периода. Все это неразрывно связано с идеей самоосознания литературы для детей как части общей культуры, с утверждением присутствия детской тематики и проблематики в культурном пространстве. Современный автор детской или подростковой книги явно отличается от своих предшественников: у него во многом иные задачи, другие технические условия. Но самое главное — у него совершенно другой читатель, внимание которого нужно привлечь, конкурируя и взаимодействуя с другими рецептивными практиками — цифровыми, динамичными, опирающимися на эффект «дополненной реальности». И тут у литературы для детей и подростков вдруг открывается второе дыхание — ни фильм, ни компьютерная игра не конкуренты чтению книги

в том, чтобы предоставить возможность быть наедине с самой собой. И эта особенность чтения, как мне кажется, сегодня будет обретать все большую и большую ценность.

Предлагаемый вашему вниманию материал — новая авторская рубрика «Детских чтений», в которой будут представлены рецензии-открытки¹ на наиболее яркие, интересные книги современных авторов, пишущих на русском языке. В основном, речь пойдет о книгах для медленного² чтения, которые дают читателю преимущество интимной неспешности чтения, в некотором смысле защищают его приватное пространство. Для произведений медленного чтения есть еще одна общая характеристика — они редко бывают созданы по законам массового жанра, а значит — их появление было связано с формированием нового образа мира, с претензией автора на новизну и оригинальность, с ожиданиями читателя встретить неожиданное, талантливое.

Представляется важным, чтобы в научном журнале о детской литературе появлялись не столько рецензии на современные книги, сколько приглашения к разговору о важных текстах, акцентирующие внимание исследователей, библиотекарей, учителей на тенденциях развития современного литературного процесса в области детских и подростковых книг.

ОТКРЫТКА ПЕРВАЯ. ДВОЕМИРИЕ И ИНИЦИАЦИЯ. ЛИНОР ГОРАЛИК «АГАТА ВОЗВРАЩАЕТСЯ ДОМОЙ».

Агата взмахивает руками,
Бокон падает в снег;
Хочет подняться,
Но вдруг начинает скользить
Вниз и в сторону, —
Неглубокую расселину,
Которую она привыкла обходить,
Засыпало снегом,
Агата совсем про нее забыла
(Л. Горалик, с. 8).

На самом деле сказка об Агате не оформлена, как стихи. Записать прозу в столбик — самый простой способ показать, почему сказка Линор Горалик мне кажется одним из наиболее значимых

современных произведений для детей — не только в литературно-художественном отношении, но и с точки зрения рецепции. Образец книги для чрезвычайно медленного чтения, чтения вслух или мысленного проговаривания. Как чтение верлибра.

Сложно организован нарратив сказки: повествователь как будто бы находится внутри героя (занимает «внутреннюю — по отношению к описываемому лицу — точку зрения» в терминологии Бориса Успенского³): историю спонтанного путешествия в лес, поимки бесенка, дальнейшего развития событий читатель видит и переживает с кем-то, кто-то полностью погружен в переживания самой девочки. Иногда даже слышится голос самой Агаты — ведь бывает, что дети говорят о себе в третьем лице. Интересно, что этот прием одновременно делает девочку совсем маленькой и создает образ очень взрослый: «Странно: если бы дома были родители, Агата нашла бы себе тысячу занятий — и уж конечно, родители бы к этим занятиям не имели никакого отношения». Отношение повествователя/героини к происходящему имеет несколько тональностей: слегка ироничная и трезвая оценка, удивительная самостоятельность суждений и поступков, страх и ощущение опасности, сочетающие в себе любопытство и восторг от принятия первых в своей жизни судьбоносных решений. Медленное чтение под воздействием этих смещений, ощутимой метризации прозы не кажется медленным: чем неспешнее читаешь, тем глубже втягиваешься в динамику сюжета эмоций.

Агата — литературный потомок многих и многих сказочных героинь, чьи истории прямо и косвенно рассказывали об обряде инициации. Путешествие в зачарованный лес, возвращение из него — это и метафора взросления (Агата все время мысленно возвращается в своем сказочно-мистическом путешествии к пока еще даже не зачатому, но так ожидаемому младшему брату или сестре — ей предстоит стать старшей, взрослой), и совершенно реальное, физиологически передаваемое в тексте описание перехода Агаты в автономное от взрослых положение (ощущения, связанные с передвижением по снегу, в ночном лесу, состояние беспомощности, усталости, слабости и беспометства от болезни, контрастирующие холод зимнего леса и жара болезни).

И еще один штрих медленного чтения — важное для читателя не мистическое, а реалистическое обоснование мотивировок решений девочки, которые она принимает в ответ на предложения «человека в шубе», открывается только при темпе чтения не быстрее неспешного рассказа.

ОТКРЫТКА ВТОРАЯ. УВЛЕЧЕНИЕ АВТОРА —
ОТКРЫТИЕ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЯ. ЕВГЕНИЙ
РУДАШЕВСКИЙ «ЗДРАВСТВУЙ, БРАТ МОЙ БЗОУ!»

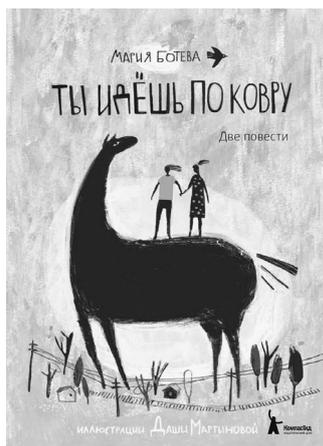

Первое, что хочется написать про книгу, — она очень обаятельная и вся пропитана национальным колоритом Абхазии: непривычные для русского читателя имена Амза, Даут, Хибла, странноватые, рассыпанные по тексту горошины бытовых названий апацха, кучмач, мамлыга, ахарцва. Каждое из этих слов будет сопровождаться читательским поклоном — чтением сноски, в которой подробно рассказывается о том, что это. И внимательный читатель не сможет не почувствовать некоторую странность: автор последовательно использует целый

ряд заимствований из абхазского языка для обозначения самых разных предметов быта, но они носят характер орнамента. Стараться специальными штрихами создать образ культуры может только тот, кто находится вне ее, кто воспринимает ее фрагментарно, выделяя какие-то черты, не воспринимая как естественную среду обитания, не потеряв еще способности ей удивляться. Увлечение путешественника Евгения Рудашевского Кавказским побережьем Черного моря обернулось для российского читателя возможностью открыть для себя сложный, неведомый мир абхазской деревни 80-х гг. прошлого столетия, сплетаемый с образами мифического мира народа Абхазии — время в повести измеряется жизнью плодовых деревьев, цветущих в строгой последовательности и приносящих свои плоды: «Светло-розовыми бутонами расцвела алыча...» — весной; «Зацвела фейхоа. Амза подолгу рассматривал ее цветки...» — летом; «мелкие вытянутые, словно капли, ягодки кизила наполнились сладостью» — осенью. Повесть оборвется зимой. Как и положено мифу, мир которого строится по закону солнцеворота.

Продлит чтение и комментарий автора — книга завершается развернутыми комментариями Е. Рудашевского об Абхазии, ее культуре и истории.

ОТКРЫТКА ТРЕТЬЯ. ПОРЯДОК СЛОВ.
МАРИЯ БОТЕВА «ТЫ ИДЕШЬ ПО КОВРУ».

В России много говорят о функциональном, смысловом чтении, отмечают необходимость чтения классической изящной словесности, упоминая о труде и сложности восприятия текста, необходимости формировать навык чтения с усилием. Проза Марии Ботевой — это фактически воплощенная мечта всех сторонников обязательного чтения изящной словесности. Инверсионные структуры организации речи, нелинейное течение повествования, чехарда нарраторов — неполный список своеобразностей повести Ботевой

«Ты идешь по ковру», само название которой носит игровой, каламбурный характер. Для подростковой прозы США смена нарратора — один из самых привычных приемов создания художественного произведения, цель которого — раскрыть многообразие мира человеческих мнений, взглядов на одни и те же события (например, повести Р. Буйе «Все из-за мистера Террапта», Р. Паласио «Чудо»). Для читателей повести Марии Ботевой этот прием усложняется: никто не предупредит о том, что повествователем в первой главе была подружка Оля, а во второй — Маринка. Первая довольно просто рассказывает о происходящем, отвлекаясь только на замечания о том, как ее подружка реагирует на услышанное или поправляет ошибки в речи. Собственно, отношения с подружкой — и есть происходящее для Ольги. Для Маринки мир сложнее — она описывает не свои отношения в Ольгой, а отношение к миру в целом. Именно она говорит привычными интонациями самой писательницы: «Скучное лето снова, просто тоски кусок». Ее речь более афористична, образна. Маринка в большей степени одинока — это отражается и в ее суждениях. Читать об этом не очень просто: каждая новая глава — это смена ракурса, перебой в течении сюжета. Да и сам сюжет никак не вылавливается из потока бытовых событий: день рождения, поход в кино, встреча с учителем, знакомство с новыми соседями по поселку. Но уже со второй главы понимаешь, что оторваться невозможно, потому что хочется узнать

о том, что же происходит с девочками, как будут развиваться события, а еще интереснее узнать, как устроена их жизнь — описание их семей, характеров читатель собирает по крупицам. Отсутствие речи автора придает повести своеобразие драмы, неочевидную кинематографичность.

ОТКРЫТКА ЧЕТВЕРТАЯ. КНИЖКА-ТЕАТР.
АННА ДЕСНИЦКАЯ. АЛЕКСАНДРА ЛИТВИНА
«МЕТРО НА ЗЕМЛЕ И ПОД ЗЕМЛЕЙ. ИСТОРИЯ
ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ В КАРТИНКАХ

Художник-иллюстратор всегда был соавтором, а иногда и автором детской книжки, но не всегда его работа бывает столь особенной. Картинки: комиксы, рисованные истории, виммельбухи, книжки-картинки с большим количеством деталей — всегда славились тем, что

их нужно читать не только медленно, но и постепенно. Невозможно сразу рассмотреть все. Поэтому рецептивная практика читателя визуальной литературы — это процесс, растянутый не только по времени чтения, но и по количеству подходов к книге.

История города, история людей оживает в образах, художественных, почти кукольных, театральных на страницах книг, которые создает Анна Десницкая. Это и «Два трамвая» Осипа Мандельштама, и «Что к чему» Вадима Фролова, вышедшие в издательстве «Самокат». Анна использует технику иллюстраций-фотографий, на которых запечатлены поставленные ею мизансцены из книг, созданные из бумажных фигурок, рисованных фоновых заставок.

Книга об истории железной дороги в картинках — это сложно организованный текст, состоящий из текстовых рассказов об истории транспорта (например, «Что везет паровоз?», «Тоннели» или «Велосипед»), иллюстрационных и текстовых комментариев к ним, но этот формат привычен читателю по разным иллюстрированным энциклопедиям. Альбом, созданный Анной Десницкой, выделяется на общем фоне. В нем есть часть, совершенно выходящая из общего нарратива (рассказа об истории транспорта

вообще, о железной дороге) — история Московского метро. Эта часть книги создана так, будто художница поставила перед собой задачу снять документальное кино об истории московской подземки, но потом передумала и сделала основу для мультипликационного фильма, а потом решила, что все это можно разместить на страницах книги. Читательское внимание привлекает не только предмет повествования, но и способы его презентации. Читатель становится зрителем, который в театре успеваает одновременно следить за сюжетом пьесы и восхищаться идеям, находкам, решениям костюмера, художника декораций и бутафора, мастера света и актеров: тем, как переданы исторические изменения московских улиц, какие решения позволяют рассказать о двух измерениях: над землей и под землей, как разместить на одном развороте объемную иллюстрацию, передающую сложное, многоярусное устройство метро, и иллюстрационные комментарии о деталях.

ОТКРЫТКА ПЯТАЯ. ADAGIO ИЛИ ALLEGRO ЖИЗНИ
СОВРЕМЕННОГО ПОДРОСТКА. НИНА ДАШЕВСКАЯ.
«Я НЕ ТОРМОЗ».

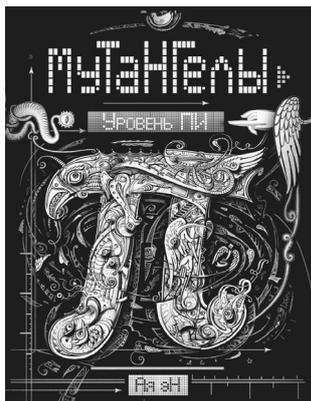

Повесть о подростке должна быть динамичной — иначе подростки не будут ее читать, не узнают себя. Однако тут кроется удивительное противоречие поколений: самая распространенная претензия взрослых к детям 10–16 лет — это упрек им в подростковой медлительности. Вечно несущиеся на роликах, самокатах, скейтах начинающие взрослые очень медлительны в своем выборе, в процессе понимания сути происходящего и принятии реше-

ний. И эту особенность удалось передать писательнице-музыканту Нине Дашевской. Герой повести все время куда-то мчится, как будто бы хочет убежать от самого себя. Его образ бесконечно точен — успеть, не опоздать, не допустить медленного движения в пространстве и времени и одновременно быть погруженным в себя, успевать фиксировать случайные удары самокатом по косточке на ноге, ощущения от пуговицы на пальто. Быстро передвиги-

гаться и медленно чувствовать. Читателю будет трудно читать: динамичный сюжет из быстро сменяющихся друг друга дней, встреч, быстрых происшествий ему придется собирать из монолога поэта, мечтателя, вечно спешащего наблюдателя. Текст все время прерывается отступлениями — мыслями героя о самых разных, часто посторонних предметах. Герой пытается писать стихи, но пока не понимает, что его способ описания происходящего вокруг — это и есть лирика. Повесть по-своему ритмична, наполнена эмоциональными образами, строится как поэтический текст, в котором читающий книгу школьник может привычно узнать сравнения, метафоры, синтаксический параллелизм, определению которых его учат на уроках литературы.

ОТКРЫТКА ШЕСТАЯ. МЕДЛЕННОЕ ФЭНТЕЗИ — ТАК БЫВАЕТ? АЯ ЭН. МУТАНГЕЛЫ. УРОВЕНЬ ПИ.

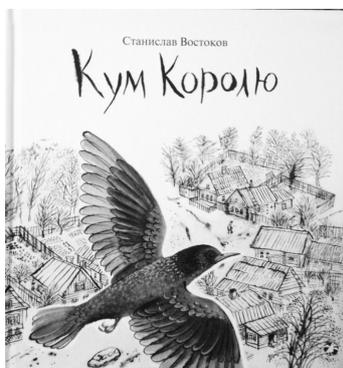

Географическая карта — это текст, организованный при помощи знаков, расположенных на плане местности; значение знаков объясняется в легенде карты — пользуясь этой метафорой, я хотела сказать, что передать сложность мироустройства может текст, состоящий из нескольких знаковых систем. Фэнтези Ая ЭН — это роман, действие которого разворачивается в нескольких мирах, об особенностях и отличиях этих миров можно узнать из самого текста, из специальных вставок, напоминающих

легенды к карте, а можно придумывать их самому, сочиняя на ходу все новые и новые законы физики для мира ангелов. Читателю романа о мутангелах, ангелах, людях и инфилоперах предстоит вспомнить основные законы физики, которые определяют его образ жизни, и понять, что, наравне с этими незыблемыми притяжением земли, течением времени и ограниченностью пространства, миром правят неотвратимость последствий наших поступков, невозможность внятно и однозначно ответить на простые человеческие вопросы. Так, предуведомление к роману гласит: «Помните, что человек отвечает только за свою жизнь, а мутангелы в ответе за все происходящее», оно обращено к читателю, который еще не

имел возможности понять, кто такие мутангелы и инфилоперы (те, кто считает себя человеком, потому что забыл, что на самом деле является кем-то другим). Медленным чтением этого захватывающего, очень динамичного романа может стать по самым разным причинам: вставки в роман, названные автором Диди, — дополнительная информация для инфилоперов — время от времени заставляет читателя померить происходящее в вымышленном мире информацией из мира реального: такие остановки с описанием скорости тьмы или информацией о консервации планет создают пространство особой игры с читателем, который становится соавтором мира художественного. Игра в соавторство продолжается, так как Ая эН приглашает своих читателей в социальную сеть VK (ВКонтакте), чтобы продолжить создание мира мутангелов. Но даже, если читателю не довелось участвовать в этом процессе, он неизбежно оказывается втянутым в игру — придумывает свои условия существования ангелов и мутангелов, соизмеряет фантастическое и реальное.

ОТКРЫТКА СЕДЬМАЯ. НАУЧНАЯ СКАЗОЧНАЯ
ФАНТАСТИКА ДЛЯ НАТУРАЛИСТА. СТАНИСЛАВ
ВОСТОКОВ «КУМ КОРОЛЮ».

Одна из стратегий медленного чтения — это чтение комментированное. В произведениях Пришвина, Тургенева, Паустовского все время хочется остановиться — прояснить, о каких птицах, зверях идет речь. Иногда нужно перечитать, часто хочется просто увидеть. Станиславу Востокову этого показалось мало. Он создает для современного ребенка чудесный сборник небольших (некоторые из них не больше 100 слов) рассказов, в которых ребенку 6–7 лет придется прояснять и комментировать каждое пятое слово: кроме привычных птиц, будут еще изба-пятистенка — бытующее в деревенской среде, несколько устаревшее название деревянного дома, высоковольтное поле — это образное описание пространства под высоковольтной линией постоянного тока. В книге нет ни одного пояснения к этим незнакомым словам — значит обо всем придется спраши-

вать взрослых, останавливаться, искать картинки в интернете. Быстро прочитать не получится. Смешение жанров познавательной и художественной литературы — прижилось в детской литературе еще в XX столетии, но в нем, как правило, не было смешения интонационного: многие из рассказов, например, рассказ, давший название всему сборнику «Кум королю», — это ироничное повествование о человеке, который из-за нехватки места поселил корову на чердак, где хранит сено. Соседство с вполне серьезными рассказами о перелетных птицах разрушает канон натуралистической художественной прозы, предоставляет читателю возможность самому решать, как воспринимать прочитанное, насколько критически к нему относиться. В последнем рассказе «инопланетяне ловят наш березово-сосновый дым в колбы и изучают в лабораториях, чтобы понять, как мы живем» — автор решает внести в свою книгу еще и черты научной фантастики. Отсутствие четких жанровых и интонационных границ делает прозу Станислава Востокова сложной для восприятия родителей — как объяснять ребенку, что к рассказам нужно относиться по-разному, на какие маркеры в тексте ориентироваться, чтобы показать, что это вымысел. Но, думаю мне, для ребенка такое смешение — естественная, свойственная ему модель мышления, где спокойно уживаются сказка, наука и фантастические инопланетяне.

Набор открыток — собрание небольших эссе о семи современных детских и подростковых книгах, в которых я постаралась описать ракурс возможного развернутого анализа каждого из произведений. Статья совмещает в себе попытку беглого анализа художественного своеобразия книг современной детской и подростковой прозы и методическую идею для учителя, которому было бы интересно развернуть ее для работы с текстом на уроке. Но главная задача этого материала была показать разнообразие методов современных русских авторов, для которых значимым остается поддержание уровня сложности создаваемого ими художественного текста. Такой сложности, которая даст читателю почувствовать себя, в некотором смысле, в диалоге с автором, отнести к чтению как к решению задачи, головоломки.

Примечания

¹ Впервые я услышала этот термин по отношению к журналу *Bookbird: Журнал Международной детской литературы* (ISSN 0006 7377) — реферативный журнал издается ежеквартально IBBY. Страница журнала на сайте Международного совета по детской книге: URL: <http://www.ibby.org/index.php?id=1035>

² Понятие «медленное чтение» в русской методике преподавания литературы было определено Н. Эйдельманом в статье «Учитесь читать!» (Знание — сила, 1979, № 8), идею медленного чтения на уроке поддерживали и развивали многие другие методисты и филологи: Л. Щерба, М. Рыбникова, Д. Лихачев, А. Леонтьев, М. Гаспаров и др. Под «медленным чтением» (англоязычный аналог — close reading) понимается пристальное, внимательное чтение на занятии с комментарием, подробным анализом текста под руководством учителя. В данной статье сочетается отношение к медленному чтению как к практике чтения с остановками и как к особому методическому приему — каждая открытка о книге содержит идею, подсказку для учителя, который решит использовать описываемые здесь произведения на уроке литературы или чтения.

³ Успенский Борис. Поэтика композиции. СПб: Азбука, 2000. С. 144–148 и др.

Источники

- Ая эН. Уровень Пи:* роман. М.: РОСМЭН, 2015. 384 с. (Мутангелы).
Ботева М. А. Ты идешь по ковру. М.: КомпасГид, 2015. 168 с.
Буёе Р. Все из-за мистера Терапта / пер. с английского Т. Иванова. М.: Розовый жираф, 2015. 280 с.
Востоков С. Кум королю. М.: Альбус корвус, 2015.
Горалик Л. Агата возвращается домой. Москва: Livebook, 2016.
Дашевская Н. Я не тормоз. М.: Самокат, 2016.
Литвина А. Л. История железной дороги в картинках. М.: Пешком в историю, 2015.
Мандельштам О. Э. Два трамвая. М.: Самокат, 2013.
Паласио Р. Дж. Чудо / пер. с английского А. Красникова. М.: Розовый жираф, 2013
Рудашевский Е. Здравствуй, брат мой Бзоу! М.: КомпасГид, 2015.
Фролов В. Г. Что к чему. М.: Самокат, 2012.